

Николай Александрович Добролюбов Шиллер в переводе русских писателей

*Изданный под
редакцией Ник. Вас.
Гербея. Томы V, VI и
VII, СПб. 1859¹*

Мы уже не раз говорили об издании г. Гербея, отдавая полную справедливость его аккуратности и изяществу. В вышедших в последнее время томах помещены: в V — «Заговор Фиеско в Генуе», в переводе г. Гербея (проза), и «Мария Стюарт», в переводе А. А. Шишкова 2-го; в VI — «Трилогия Валленштейн», в переводе Л. А. Мея («Пролог» и «Лагерь»), В. А. Лялина («Пикколомини») и А. А. Шишкова 2-го («Смерть Валленштейна»); в VII — «Орлеанская дева», в переводе Жуковского, и «Коварство и Любовь», в переводе М. Л. Михайлова (проза). О большей

¹ Точное название рецензируемой книги «Драматические сочинения Шиллера в переводах русских поэтов». Изд. под редакцией Ник. Вас. Гербея, СПб. 1859, ч. V, VI, VII.

части этих переводов распространяться не нужно: перевод Жуковского всем известен; гг. Мей и Михайлов давно известны как очень талантливые переводчики. О переводах Шишкова можно заметить, что они теперь уже несколько устарели. Беспрестанные повторения *сих, коих, сколь* и пр. неприятно поражают в драматическом произведении. Вообще стих Шишкова нельзя назвать естественным и простым. Попадают фразы вроде: «Любви руке я деятельной этим одолжена»; или: «Облегчите ж сердце мое, чтоб ваше умилила я» и т. п. Но вообще говоря, переводы Шишкова могут еще быть читаемы даже и теперь, тем более что они сделаны очень добросовестно. Перевод г. Лялина тоже читается, хотя и он не чужд тяжеловатости по местам. Мы не указываем частных отступлений и недосмотров переводчиков, потому что, не принадлежа к числу исключительных поклонников Шиллера, не знаем его пьес наизусть, а сравнивать перевод с подлинником стих в стих сочли излишним: на это у нас есть довольно большое количество библиографов... Но наше внимание обратили некоторые пропуски и отклонения от подлинника, сделанные в «Фиеско». Отклонения эти тем более удивили нас, что пьеса написана и переведена прозой, следовательно, по-видимому, не представляла никаких затруднений в переводе... Но, верно, наш язык еще

не выработался до того, чтобы выражать некоторые мысли, совершенно легко и свободно выражаемые под пером немецкого писателя. Мы отчасти понимаем даже и причину этого, вовсе не филологическую, а заключающуюся в степени участия нашего общества к литературным произведениям такого рода, как «Фиеско»... Мы, впрочем, не обратили бы внимания и на эти отступления, если бы от них не пострадало до некоторой степени лицо *Веррины*. У Шиллера Веррина представляет образ до того цельный и живой, что каждая фраза его должна быть сохранена именно так, как он говорит ее. Это не человек средних сил и средних стремлений; он не может ни делать, ни говорить в половину. Прямота и неуклонная безбоязненность республиканца выражаются в каждом его слове. Поэтому не совсем ловко выходит, когда он в переводе вместо «тиран» говорит «злодей» или вместо: «Ты конвульсивно содрогался *при одном взгляде на корону*» выражается: «Тебе сжимало сердце *малейшее нарушение прав республики*» и т. п.

Подобные смягчения вредят рельефности лица гораздо более, нежели кажется с первого раза. Стоит всмотреться в смысл шиллеровской пьесы, чтобы заметить, что Веррина должен выставляться как можно резче, неукротимей, беспощадней, — не только в деле, но и в каждом слове, которых он,

впрочем, не говорит даром. Его характер составляет совершенную противоположность с Фиеско, и, преследуя одни цели, они расходятся именно вследствие разницы внутренних побуждений. Фиеско — тоже ненавидит Дориев, угнетающих Геную; Веррина называет его тоже *den groften Tyrannenhasser* ² (название, пропущенное в переводе г. Гербеля). Но Фиеско чувствует ненависть к Дориям именно как к Дориям, как к герцогам, попирающим, между прочим, его собственные преимущества. Поэтому ненависть к рабству не восходит в его душе на степень ненависти ко всякому преобладанию. Он — человек честлюбивый, человек эгоистический довольно в узких пределах. Оттого-то ему ничего не стоит носить маску так долго и так искусно, что сами друзья и единомышленники его не понимают его поведения. Замыслив низвергнуть Дориев, он пускается в светские развлечения, пьет, гуляет, играет, не потому, чтобы его влекла к тому какая-нибудь страсть, а просто из расчета, — чтобы обмануть бдительность противников. Между тем он обрабатывает втайне все дело восстания: достает деньги, одобрение иностранных держав, чужеземное войско; а затем — восстановить народ

² великим ненавистником тиранов (нем.). — Ред.